

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ДЕВИАНТНОГО МАТЕРИНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF DEVIANT MATERNAL BEHAVIOR

M. Zhuykova

Summary. as one of the causes contributing to the emergence of deviant forms of maternal behavior are considered unconscious patterns of behavior that are associated usually with traumatic experiences, transmitted from generation to generation on the maternal line. The aim of this work was the study of the psychoanalytic views about the intergenerational transmission of deviant maternal behavior to improve care to patients who survived the traumatic experience of deviant motherhood.

Keywords: deviant maternal behavior; intergenerational transmission; refusal of parenting; phenomenon of motherhood; trauma.

Жуйкова Марина Владимировна

К.псх.н., ЧОУ ВО «Казанский Инновационный
Университет им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП)»
mgv84@yandex.ru

Аннотация. В качестве одной из причины, способствующей возникновению девиантных форм материнского поведения, рассматриваются бессознательные паттерны поведения, связанные, как правило, с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколения по материнской линии. Целью работы явилось психоаналитическое исследование взглядов о межпоколенческой передаче девиантного материнского поведения для совершенствования помощи пациентам, пережившим травматический опыт девиантного материнства.

Ключевые слова: девиантное материнское поведение; межпоколенная передача; отказ от родительства; феномен материнства; психическая травма.

Материнство представляет собой сложный феномен, процесс становления и разворачивания которого начинается с раннего детства девочки. Согласно представлениям Д. В. Винникотта, способность женщины «быть достаточно хорошей матерью» формируется на основе опыта ее взаимодействия с собственной матерью, в процессе игровой деятельности, во взаимодействии с другими детьми, и, конечно же, в процессе собственной беременности [4].

Как отмечает Э. Уэллдон, в обществе существует тенденция возвеличивать материнство и нежелание признавать, что у него могут быть и негативные аспекты и проявления [13]. Это находит отражение в том, что подавляющее количество исследований, посвященных темам материнства и психологии беременности, базируются на положении о том, что матери априори любят/должны любить своих детей. В связи с этим, девиантные формы материнского поведения (в рамках настоящей работы акцент делается на явлении отказа от ребенка) остаются до настоящего времени малоизученной и непонятной формой аномального материнского поведения. В общественном сознании данное поведение ассоциируется, прежде всего, с асоциальным образом жизни матери и хотя указанная причина действительно имеет место быть, однако ей не принадлежит ведущая роль.

Несмотря на то, что в России в период с 2012 по 2016 год зафиксировано снижение на 29,5% числа отказов матерей от новорожденных детей: с 6230

до 4395 человек соответственно, это цифра все равно достаточно высокая [5]. Все это определяет важность изучения вопросов, касающихся определения причин, способствующих отклонению от естественного процесса становления материнских функций, возможности прогнозирования данного типа поведения, разработки направлений профилактической и коррекционной работы.

В рамках настоящей работы в качестве одной из причины, способствующей возникновению девиантных форм материнского поведения, рассматриваются бессознательные паттерны поведения, связанные, как правило, с травматическим опытом, передаваемым из поколения в поколения по материнской линии. А. А. Шутценбергер, основоположница межпоколенческого, трансгенерационного подхода, пришла к выводу, что практически в каждой семье существуют события, которые влияют на судьбу последующих поколений. Каждый из нас является частью истории, и даже самые отдаленные события гораздо ближе к отдельному человеку, чем можно себе представить. Связи между поколениями представлены в жизни человека как бессознательное повторение опыта предшествующих поколений [16]. То есть человек является менее свободным в определении своей жизненной стратегии, чем он полагает: наше отношение к жизни, выбор профессии, выбор партнёра и т.д., могут быть predetermined событиями, которые произошли в семье за несколько поколений до нашего рождения.

С этой точки зрения девиантное материнство также является определенным сценарием, заложенным прежними поколениями. Нарушение семейных и поколенческих связей (разводы, устройство детей на воспитание в детские дома, в семьи соседей и престарелых родственников) может являться причиной такой формы поведения женщины.

Теоретический анализ понимания механизмов межпоколенческой передачи девиантного материнского поведения

Девиантное материнство является одной из наиболее острых, неоднозначных областей исследования в психологии как в практическом, так и в теоретическом аспекте.

К формам девиантного материнского поведения можно отнести:

- ◆ инфантицид (детоубийство, в том числе преднамеренный сознательный аборт, в отличие от аборта по медицинским показаниям);
- ◆ отказ от ребенка, материнства вообще;
- ◆ жестокое отношение к ребенку;
- ◆ сексуальное насилие и растление ребенка;
- ◆ отсутствие материнской заботы.

По мнению Э. Уэллдон, существование «оборотной» стороны материнства не должно удивлять. От женщин ждут, что они будут справляться с задачей материнства без достаточной эмоциональной подготовки. Однако часто женщина может оказать в полном одиночестве перед лицом возникших трудностей воспитания и предъявляемых требований к ней [13]. Ситуация может усугублять еще и тем, что у некоторых женщин, в силу специфических взаимоотношений, имевших место в их детстве с собственной матерью, реализация «эффективного» материнского поведения затруднена. В их случае материнство, с высокой долей вероятности, будет способствовать обострению вытесненных проблем, с которыми они не в состоянии будут справиться. Общество ожидает, что женщина, с появлением ребенка, сможет в одночасье избавиться от своего наследия в виде конфликтов и с легкостью начнет справляться со своей «основной» функцией — воспитания здоровых детей; что с появлением детей, они непременно должны испытать состояние удовлетворения, счастья, эйфории даже, несмотря на все трудности, которые неизбежны, и что даже «спящий» до этого материнский инстинкт должен непременно проснуться при взгляде на младенца. Но должен ли? И что делать, если этого не происходит, и как должна вести себя женщина в этой ситуации, и какие последствия могут быть? Высока вероятность того, что все это приведет к появлению девиантных форм материнского

поведения. Чувства отчаяния, одиночества, страха осуждения за то, что ты «не такая», легко превращаются в ненависть, обращенную к ребенку, как виновнику всего того, что с женщиной происходит.

Д. Пайнз отмечает, что в фантазиях такие женщины сами — дети, поэтому у них нет желания беременеть, у них не происходит преобразование статуса «женщина-дочь» в статус — «женщина-мать». Если даже они этого и хотят, то им трудно окружить ребенка заботой и любовью, потому что им самим кажется, что они недостаточно получили эту любовь. Такие женщины, как правило, происходят из давно и глубоко нарушенных семей, в которых у них не было возможности сформировать родительскую позицию, в которых существует традиция отказа от ребенка [11].

В целом, психологические причины, лежащие в основе девиантного материнского поведения, берут свое начало из сложных взаимоотношений женщины с ее собственной матерью.

Г. Гантрип подчеркивал исключительную роль материнской заботы для развития человека. Возникновение психопатологических процессов, согласно его представлениям, есть попытки справиться с неудачами, имевшими место в ранних отношениях матери и ребенка [по 7].

Матери являются дочерями своих матерей, с множеством собственных травм и переживаний. В своей работе Э. Уэллдон ссылается на Н. Чодороу (N. Chodorow, 1978), которая писала, что «материнское отношение... воспроизводится из поколения в поколение» [13, с. 90]. Х. Блум (H. Blum, 1980) указывает на то, что мать продолжает заботиться о ребенке еще долгое время после окончания периода его полной зависимости, пронося свое отношение вместе с материнскими качествами своих матерей во взрослую жизнь следующего поколения [по 13].

В предыдущих поколениях у женщин с девиантным материнским поведением часто встречаются случаи отказа от детей — детей отдавали на воспитание в семьи соседей или дальних родственников, в детские дома [3]. Все это закладывает искаженный образ материнского поведения, нарушая тем самым готовность женщины к эффективному материнству. Женщины, демонстрирующие девиантное материнство, как бы повторяют приобретенный в детстве паттерны поведения матери.

Для формирования нормального материнского поведения необходима идентификация с матерью, а затем, на ее основе, — эмоциональная сепарация [3].

Согласно представлениям Д. Кестенберг, стремление к материнству начинает закладываться в раннем перио-

де развития, до стадии сепарации-индивидуации и основывается на отношениях матери и дочери. Идентификация с матерью дает возможность девочке сформировать собственные функции материнской эмпатии и интуиции, а желание иметь ребенка направлено на восстановление ранних симбиотических отношений с матерью [по 7, с. 111].

Идентификация с любящей матерью помогает принять ребенка и поддержать новую идентичность, возникшую у женщины. Во время беременности должен произойти перенос нарциссического либидо, отчужденного от объектов, на новый объект, будущего ребенка. В случае девиантного материнства реализация этих процессов нарушена. По данным анализа семейных историй женщин, отказывающихся от новорожденных, следует, что девиантная мать с детства отвергалась собственной матерью. Такая депривация сделала невозможным процесс идентификации с матерью, как на уровне психологического пола, так и на уровне формирования материнской роли [3].

В некоторых случаях женщины могут вступать в протест со своей интроецированной матерью, что также может выражаться проявлением девиантных форм материнского поведения. Нападения на своего ребенка, как протест против матери, есть желание ее наказать, показать свою власть, обесценить ее и материнские функции.

Б. Стил (B. Steele 1970) дает следующее объяснение такому поведению — женщина, которая все детство противостояла наказывающей, агрессивной матери, в конечном итоге, под влиянием собственного Супер-Эго, идентифицируется с ней. Результатом этого становится то, что она может нападать на своего ребенка. В соответствии с бессознательной мотивацией, определяющей ее материнство, этот ребенок представляет угрозу для ее самооценки, ограничивает свободу, вызывает разочарование или просто не существует [цит. по 13, с. 97].

В ходе беременности существенно меняется самосознание женщины в связи с принятием новой ролевой идентификации и «вживания» в роль матери. Принять новую идентичность, воспринять себя как мать, может быть сложным, болезненным процессом, так как он связан для женщины с историей ее отношений с собственной матерью, а посредством механизмов функционирования межпоколенческой передачи, и с женщинами предыдущих поколений, так как паттерны поведения имеют тенденцию передаваться из поколения в поколение.

Таким образом, материнское поведение, готовность женщины к принятию роли матери не формируется исключительно в период беременности и появления ребенка, а имеет длительную историю становления, начи-

мая с раннего детства. Мать служит для дочери ролевой моделью и ей передается не только система ее ценностей, установок, но и конфликты, травмы, обиды, которые могут быть как лично пережитые, так полученные в «наследство» от представительниц прежних поколений. Все это в итоге выступает основой для формирования психологической готовности или не готовности к материнству.

Механизмы межпоколенческой передачи

Атмосфера в семье напрямую зависит как от личной истории родителей, так и историй, унаследованных от предков. От одного поколения другому передаются не только материальные вещи, но и психические элементы в виде традиций, семейных историй и мифов, особенностей уклада семьи, поведения, взаимоотношений между ее членами.

Информация о семье, истории поколений, межпоколенных отношениях фиксируется в семейной памяти, носителем и хранителем которой является каждый член семьи. Сам факт рождения ребенка, как представителя нового поколения, можно рассматривать как запуск механизма трансгенерационной передачи.

Семейная память — сложный многоаспектный феномен, включающий в себя семейную историю как совокупность знаний о прошлом семьи, ее членах, важных семейных событиях, отношениях, ценностях, правилах, традициях, ритуалах, мифах, осознанно или неосознанно передаваемых из поколения в поколение как семейный нарратив и др.

Осознанное наследование семейной истории происходит через обсуждение семейных правил, традиций. Однако значительная часть процесса наследования — осуществляется на бессознательном уровне.

Переданные психические элементы складываются у ребенка в определенные сценарии, так называемое «психическое наследство», определяющее его поведение в различных жизненных ситуациях: выбора профессии, типа отношений, стиля жизни [9].

З. Фрейд в своих работах высказал идею о том, что индивидуальный опыт человека носит отпечаток опыта, накопленного предшествующими поколениями. Он писал, что «чувство как бы передается от поколения к поколению в привязке к той или иной ошибке, которую люди больше не держат в сознании и о которой вспоминают меньше всего» [14, с. 138]. Иногда это наследуемое чувство неожиданно возвращается, сопровождаясь «ужасом, отвращением, тревогой, чем-то пугающим».

Согласно его представлениям такая передача вытесненных элементов является важной и необходимой, так как если бы психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в нем, то каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие [15, с. 63].

Идея о том, каким образом прошлое наших предков влияет на наше настоящее, легла в основу развития направления о межпоколенческой (трансгенерационной) передачи в психологии.

Межпоколенческая передача — феномен, разворачивающийся между поколениями и обеспечивающий их преемственность, включающий в себя бессознательные внутриспсихические конфликты и фантазмы родителей по отношению к детям, а также стереотипы взаимодействия в семье, родительские установки и соответствующие им типы поведения родителей. Причем от предшествующих поколений потомкам могут передаваться как структурирующие элементы, так и патологические, такие как психические травмы.

Переданные психические элементы складываются у ребенка в определенные сценарии, так называемое «психическое наследство», определяющее его поведение в различных жизненных ситуациях: выбора профессии, типа отношений, стиля жизни [9].

Неосознаваемые процессы и явления, обусловленные семейным мифотворчеством, трансгенерационными процессами, основываются на идентификации с представителями своего рода, с их тайнами и историями. Идентификация представляет собой бессознательный процесс присвоения психикой субъекта черт значимой личности, ее моделей поведения, конфликтов, идеалов, представлений.

Передача бессознательного материала осуществляется родителями, прежде всего матерью, которые через вербальные или невербальные послания передают ребенку модель для идентификации.

Ведущая роль матери в этом процессе будет обуславливаться тем, что «не существует такого явления, как ребенок», только диада мать-ребенок. (по Д. Винникотту). Изначально ребенок находится в состоянии «слистости», неразделенности со своим окружением. Этот период является крайне важным для развития и обеспечивается он качеством материнской заботы.

По мнению Ф. Дольто уже в пренатальный период бессознательное матери и ребёнка связаны, и ребенок знает, угадывает, чувствует вещи, относящиеся к его семье на протяжении нескольких поколений. То есть ещё

до рождения ребенок находится в контакте с опытом нескольких поколений своих предков. Ф. Дольто пишет: «Каждый ребенок вынужден нести груз патологических последствий, доставшихся в наследство от патологического прошлого своей матери и своего отца» и далее «всё, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своём теле» [цит. по 16, с. 53].

Правила функционирования семейной системы являются не только явными, открыто декларируемыми, но и в большой степени скрытыми, функционирующими на бессознательном уровне. Осознанная передача подразумевает трансляцию семейных ценностей, установок, традиций, о которых говорят, которые открыто обсуждают. Бессознательная межпоколенческая передача не подразумевает проговаривания, ее содержание — бессознательные внутриспсихические конфликты и фантазмы родителей, а также тщательно скрываемые тайны, которые проникают в жизни потомков, влияя на формирование их жизненных сценариев, жизненного пути.

Понятие травмы в психоанализе как фактора, способствующего формированию девиантного материнского поведения

Ж. Лакан причиной травмы назвал столкновение с тем, что не может быть названо, психически переработано, символизировано. То есть это столкновение с непереносимыми переживаниями, чувствами, которые впоследствии станут предметом вытеснения. При этом травма, по Ж. Лакану, не затягивается согласно ране, а упорно стремится напомнить о себе, и воспоминания о ней всегда свежи, даже спустя несколько десятилетий [8].

С целью переработки травмы в действие включается механизм повторения (в отношении которого Лакан употреблял слово *automaton* — т.е. автоматизм), реализующийся в психике в модифицированной форме. В силу того, что столкновение с травмой для человека всегда останется непонятным и неувоенным, все, что может психика сделать с ней, это осуществлять повторы, для того чтобы попытаться как-то окупать травму. В связи с тем, что травма не может быть переработана психикой можно говорить о ее вневременном характере [8].

Согласно Д. Калшеду, под травмой понимается любое переживание, которое вызывает непереносимые душевные страдания или тревогу, а непереносимым переживание является в том случае, когда обычных защитных мер психики оказывается недо статочно [6].

Вопрос межпоколенческой передачи в связи с травматизацией связан с пониманием ее потенциальных последствий для следующих поколений.

Переданный предками травматизм, воспроизводясь потомками, может существенно влиять на их судьбу, определяя вектор жизненных выборов.

Разрабатывая концепцию травмы, Ф. Рупперт указывает на то, что понятие травмы не должно сводиться исключительно к рассмотрению биологических или психологических феноменов. Травма всегда реализуется в определенном социальном контексте, затрагивая, таким образом, не только непосредственно «пострадавшего», но и его близких людей, которые хоть сами и не были травмированы, вынуждены на себе испытать последствия травмы [12].

Психоаналитик В. Волкан считает, что некоторые взрослые могут активно, но преимущественно бессознательно, вкладывать их собственную травмированную самость и травмированные объектные образы в развитие селф-репрезентаций их детей. Хотя ребёнок, который становится резервуаром, не является полностью пассивным партнёром, тем не менее, он не является инициатором переноса этих образов; это «другой» (взрослый) иницирует этот процесс [по 1].

То есть, когда психика человека не может справиться с травматичной ситуацией, переработать ее каким-либо образом, этот травматичный опыт бессознательно будет передаваться потомкам. В этом случае дети становятся своеобразным резервуаром, контейнером, для невыносимых чувств своих родителей или близких родственников.

Представления о механизмах межпоколенной передачи травмы тесно связаны с идеями, лежащими в основе теории привязанности Дж. Боулби. Так, К. Х. Бриш описывает влияние травматического опыта матери на формирующиеся психические структуры ребенка. Мать и ребенок с самого начала живут в непрерывном процессе эмоционального взаимодействия, между ними постоянно происходит обмен чувств. При этом К. Х. Бриш подчеркивает, что чувства матери сильнее и поэтому именно они задают тон и закладывают фундамент эмоционального мира ребенка [2].

При этом следует подчеркнуть, что не столько само по себе переживание травмы представителем предшествующего поколения оказывает негативное влияние на потомков, сколько степень ее психической проработки, качество и количество посланий, передаваемых ребенку. Молчание родителей об их опыте является источником тревоги для детей. Дети, которые не знают, что происходило в их семье и которым не давалось объяснений, демонстрируют больше психологических проблем [16].

Таким образом, передача паттернов поведения, обуславливающих формирование девиантного материнско-

го поведения, может быть связана с наличием в истории семьи травмирующей ситуации, память о которой передается по женской линии из поколения в поколение, формируя определенные модели взаимодействия с системой мать-дочь. Травмированные родители, в рамках настоящей работы, прежде всего, матери, неосознанно проецируют свой опыт на ребенка, а ребенок идентифицирует себя с ними. Дети живут в двух реальностях: в прошлом родителей и в собственном настоящем и в соответствии с этим выстраивают свое будущее, свой жизненный путь. Когда психика человека не может справиться с травматичной ситуацией, переработать ее каким-либо образом, то травматичный опыт будет передаваться потомкам, существенно влияя на их судьбу. Межпоколенная связь в семье основывается на передаче и приеме информации и опыта, как на сознательном, так и на бессознательном уровне, в направлении от предков к потомкам, выступая показателем их общности, преемственности.

Заключение

Роль женщины и ее положение в обществе всегда связывались с материнством, функции которого сохраняются практически в неизменном виде на протяжении веков.

Актуальность темы исследования определяется тем, что часто упускается из виду, вытесняется из сознания возможность существования противоречий, и часто серьезные, между социальными ожиданиями общества по отношению к выполнению роли матери и реальными возможностями их реализации. Такая ситуация часто способствует проявлению оборотной стороны материнства, принимающей форму девиантного поведения в отношении собственных детей. В своей работе мы исходили из предположения о том, что причина такого поведения часто бывает обусловлена наличием травматического опыта у представителей предыдущих поколений по женской линии, который передается через механизмы межпоколенной передачи, и приводит к трудностям взаимодействия в системе «мать-ребенок».

С одной стороны беременность и материнство — состояния, которые могут способствовать достижению женщиной вершины полоролевого развития, а с другой — провоцировать возникновение глубокого личностного кризиса. В этот период оживают внутриспсихические конфликты, имевшие место на предыдущих стадиях развития, женщине приходится вновь адаптироваться к своему внутреннему и внешнему миру. Компетентное материнское поведение достигается в случае наличия адекватного эмоционального опыта взаимодействия, прежде всего, с собственной матерью.

Так, М. Мид отмечает, что привязанность и забота матери к своему ребенку так глубоко заложены в биологи-

ческих условиях зачатия, вынашивания, родов и кормления грудью, что только трудные социальные установки могут полностью подавить их. То есть общество в целом, в более широком аспекте и / или ближайшее окружение, семья, в узком аспекте, должны исказить самосознание женщины и врожденные закономерности развития, «совершить надругательства» над ней в процессе воспитания, чтобы она перестала желать заботиться о своем ребенке или иметь его [10].

Семья, как и любая система, стремится к равновесию, а достичь этого можно учетом семейных долгов —

сколько и что было получено, сколько и необходимо отдать. И с этой точки зрения девиантное материнство выступает своеобразным долгом, который отдается в форме мести предыдущим поколениям, как желание причинить им страдания, боль. Это результат невысказанной обиды, не отработанной травмы. Межпоколенческая передача не подразумевает проговаривания, это тайна, которая тщательно умалчивается, скрывается, иногда о ней даже запрещено думать, но она все равно входит в жизни потоков, «молчаливым грузом» весит над историей семьи, передаваясь из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болебер, В. Воспоминание и историзация: трансформация индивидуальной и коллективной травмы и ее межпоколенческая передача [Электронный ресурс] / В. Болебер // Журнал практической психологии и психоанализа. Научно-практический журнал электронных публикаций. — 2010. — № 4. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2602>
2. Бриш К. Х. Терапия нарушения привязанности: от теории к практике / К. Х. Бриш; [пер. с нем. С. И. Дубинской]. — М.: Когито-Центр, 2012. 316 с.
3. Брутман, В. И. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери [Электронный ресурс] / В. И. Брутман, А. Я. Варга, И. Ю. Хамитова // Журнал практической психологии и психоанализа. Научно-практический журнал электронных публикаций. — 2002. — № 3. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2914>
4. Винникотт, Д. В. Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт. — М.: НФ Класс, 2007. — 80 с.
5. Доклад «О защите прав детей в Российской Федерации» за 2015 год. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.svdeti.ru/images/files/UPR-doklad-2015.pdf>
6. Калшед, Д. Внутренний мир травмы [Электронный ресурс] / Д. Калшед. — Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/22671/mpj_2001_n1_Kalshed.pdf
7. Коряков, Я. И. Эволюция родительских образов в психоанализе / Я. И. Коряков // Психологический вестник Уральского государственного университета, вып.3. — Екатеринбург, 2002. — С. 101–123.
8. Лакан, Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI(1964)) / Ж. Лакан; [пер. с фр. А. Черноглазова]. — М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». — 2004. — 304 с.
9. Лапланш, Ж. Первофантазм. Первоначало фантазма / Ж. Лапланш, Ж. Б. Понталис // Французская психоаналитическая школа, под ред. А. Жибо, А. Россхина. — СПб.: Питер, 2005. С. 244–274.
10. Мид, М. Развитие ребенка / М. Мид. — М., 1968. — 307 с.
11. Пайнз, Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. [Электронный ресурс] / Д. Пайнз. — Режим доступа: http://www.psychol-ok.ru/lib/pines/bistg/bistg_01.html
12. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны / Ф. Рупперт; [пер. с нем. Е. Гурская]. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2014. — 248 с.
13. Уэллдон, Э. В. Мать. Мадонна. Блудница. Идеализация и обесценивание материнства / Э. В. Уэллдон. — М.: Издательство «Перо», 2016. — 204 с.
14. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. / З. Фрейд; [пер. с нем. Г. В. Барышниковой]. — М.: Наука, 1989. — 456 с.
15. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд. — СПб.: Алетей, 1997. — 222 с.
16. Шутценбергер, А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / А. Шутценбергер. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. — 240 с.

© Жуйкова Марина Владимировна (mgv84@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»